

DOI: 10.12731/2658-4034-2022-13-4-151-169
УДК 159.99

СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

П.Ю. Наумов

***Актуальность.** Ведущие отечественные ученые, занимавшиеся исследованием интеллигентности, отмечают, что интеллигентности не рождаются и в генах данное свойство личности не кодируется. Ядро интеллигентности - её ценности и смыслы формируются и воспитываются в ходе целенаправленно организованного педагогического процесса и осуществляемого в ходе него психологического воздействия и взаимодействия. Теоретической и информационной основой этого процесса, а также главным источником необходимых сведений является социальная память, выступающая в роли смыслового аккумулятора. Социальная память как динамическое психическое образование и как феномен коллективного субъекта обладает своей структурой и носителями, а также культурными и психологическими механизмами трансляции во времени и пространстве.*

***Материалы и методы.** Комплексное познание понятия и особенностей функционирования социальной памяти военной интеллигенции, а также механизмов её трансляции осуществлено с опорой на системный, аксиологический и субъектный методологические подходы. Применяемыми научными методами явились анализ и синтез, аналогия и сравнение, абстракция и обобщение.*

***Результаты исследования.** В структуре социальной памяти военной интеллигенции выделяются когнитивный слой, предназначенный для аккумуляции соответствующих знаний, ценностно-смысловой слой, консолидирующий в себе ценности и смыслы,*

характеризующие офицера как интеллигента, а также непосредственные образцы конкретных видов деятельности, субъектный слой, который в себе сосредотачивает всех субъектов – носителей и трансляторов социальной памяти. Полученным научным результатом исследования является аккумулярование обобщенных представлений о ценностно-смысловых аспектах социальной памяти отечественной военной интеллигенции и психологических механизмах её трансляции. Результаты исследования могут быть использованы для организации педагогического процесса в военном вузе по развитию интеллигентности будущих офицеров, а также при проведении научных психологических и педагогических исследований в области формирования и развития личности обучаемого.

Ключевые слова: механизмы трансляции; социальная память; социальные эстафеты; интеллигентность; интеллигенция; функции памяти; информация; субъектность

STRUCTURE AND FEATURES OF THE SOCIAL MEMORY OF THE RUSSIAN MILITARY INTELLIGENCE: VALUE AND MEANING AND FUNCTIONAL ASPECT

P. Yu. Naumov

Relevance. *Leading domestic scientists who dealt with the problem of studying the intelligentsia note in their works that intellectuals are not born and it is not encoded in the genes. The values of the intelligentsia are formed and brought up in the course of a purposefully organized pedagogical process and psychological influence. The theoretical and informational basis of this process, as well as the main source, is social memory as a semantic accumulator. Social memory as a dynamic mental formation and as a social phenomenon has its own structure and carriers, as well as cultural and psychological transmission mechanisms.*

Materials and methods. *Comprehensive knowledge of the concept and features of the functioning of the social memory of the military intelligentsia, as well as the mechanisms of its translation, was carried*

out based on systemic, axiological and subjective methodological approaches. The applied scientific methods were analysis and synthesis, analogy and comparison, abstraction and generalization.

Results of the study. *The key scientific results of the study are the accumulation of generalized ideas about the social memory of the domestic military intelligentsia and the psychological mechanisms of its transmission. The results of the study can be used to organize the pedagogical process in a military university to develop the intelligence of future officers.*

Keywords: *translation mechanisms; social memory; social relay races; intelligence; intelligentsia; memory functions; information; subjectivity*

Введение

В современном обществе все большую значимость приобретает информация, а также системы ее обработки, накопления, хранения и передачи. При этом, исторически и эволюционно, сложившимся механизмом обработки, накопления и трансляции субъектной информации, как в филогенезе, так и в онтогенезе, является социальная память. Она выступает атрибутом реального бытия социальных субъектов, и мы можем повсюду наблюдать представления о предметах и результатах деятельности, зафиксированные в ней. Результатами историко-генетического функционирования социальной памяти (ее функций фиксации, сохранения и опредмечивания информации, трансляции и распространения, стирания и т.д.) является опредмечивание и распрепредмечивание знаний, значений, ценностей. Социальная память, как в продуктах культуры, так и в реальных непосредственных образцах конкретной социальной деятельности фиксирует знания, ценности и чувства субъектов, которые хранятся, соответствующим образом, необходимо защищаются и транслируются.

Научные исследования и специально-организованный педагогический процесс сегодня опираются на различные познавательные информационные средства, среди которых социальная память в различных видах и проявлениях занимает одно из ведущих мест [14].

Здесь стоит учитывать, что к фиксируемым социальной памятью личностным образованиям относятся знания, ценности и чувства, характеризующие личность как интеллигента. Интеллигентность как квинтэссенция интеллектуальности/образованности, воспитанности и добросовестности функционирует с помощью механизмов социальной памяти и её трансляции.

Значение социальной памяти как основного способа кумуляции знаний, норм, образцов поведения, ценностей и смыслов военной интеллигенции, которые фиксируются индивидуальными и коллективными воинскими субъектами, а затем транслируются во времени и пространстве, необходимо рассмотреть последовательно и объективно.

Потому, для успешного построения эффективного педагогического процесса, направленного на развитие качеств и свойств интеллигентности в военной образовательной организации высшего образования, необходимо выявить сущность и содержание собственно социальной памяти как психологического феномена, установить её функции в развитии интеллигентности будущего офицера, а также особенности социальной памяти, присущие данному социальному слою. Решению указанных задач и посвящено настоящее исследование.

Выявляя природу социальной памяти, отметим, что субъект фиксации и трансляции информации, аккумулированной в социальной памяти, может быть индивидуальным или коллективным, но при этом предполагает минимум собственную двойственность, поскольку содержание социальной памяти или непосредственно кому-то передается, либо потенциально адресовано в будущее и может быть воспринято и передано.

Материалы и методы

При исследовании бытия и функционирования социальной памяти учеными предлагаются различные подходы. Например, С.В. Кодан предлагает для исследования биографический подход, позволяющий персонализировать изучение относительно субъекта, а

также максимально эффективно и полно познать индивидуальные особенности и механизмы фиксации информации, входящей в социальную память. Биографический подход к исследованию социальной памяти фиксирует, по меньшей мере, три вида носителей информации – источники личного происхождения, историографические источники и источники визуализации биографического материала [5].

При анализе функционирования социальной памяти российской военной интеллигенции важно опираться на ныне популярный эпистемологический подход, позволяющий осуществлять познавательные акции в соответствии с современными представлениями о получении научного знания, его аккумуляции, систематизации и концептуализации. Эпистемологический подход как удобное и эффективное эвристическое средство последовательно обосновывается в работах современных ученых И.Т. Касавина [13], М.А. Розова [29], В.С. Степина [35; 36] и др.

Многообразные научные подходы по изучению сущности, структуры и особенности функционирования социальной памяти как философского, исторического и психологического феномена рассмотрены в научных работах Д.А. Аникина [2; 3], З.Р. Валиуллиной [7], А.В. Верещагиной [8], Р.Р. Газизова [9], С.С. Розовой [31], А.В. Скоробогатова [32], А.А. Степановой [34], В.Б. Устьянцева [37] и др.

Также конкретизируя и раскрывая отношения сопряженности социальной памяти с системой ценностей и качеств офицера, характеризующих его как интеллигентного человека, в статье использованы труды Г.В. Барановой [6], А.С. Запесоцкого [10], М.С. Кагана [12], Д.С. Лихачева [19; 20], Т.В. Наумовой [24; 25], В.А. Порозова [26], А.В. Соколова [33], Н.В. Фунтиковой [38] и др. Для анализа психологической природы социальной памяти применены результаты исследований А.Н. Леонтьева [15], Д.А. Леонтьева [16–18].

Основная часть

Первый вопрос, которой возникает при целенаправленном познании социальной памяти, – это вопрос потенциальной возможности и широты фиксации, а также длительности хранения информации,

её функционального влияния на действующую реальность, как она может преобразовать настоящее и смотреть в будущее; второй связан с многообразием форм и способов её объективизации; третий – с конкретной субъектной и личностной реализацией [1].

Рассматривая проблему формулировки определения понятия социальной памяти, Д.А. Аникин отмечает: «Следует сразу оговориться, что проблематика социальной памяти исследуется множеством наук, из чего следует многозначность определений и интерпретаций. В рамках социальной памяти выделяется культурная память, историческая память, индивидуальная и коллективная память и т.д. Многообразие подходов не позволяет сформулировать общепринятой дефиниции социальной памяти, поскольку происходит дифференциация, размежевание понятийного аппарата внутри исследований социальной памяти» [1].

Память во всем многообразии видов понимается как основополагающая характеристика психики, ее способность воспринимать, понимать и ориентироваться, а также фиксировать и хранить субъективно значимую информацию в определенных формах, будь то знания или ценностно-смысловые образования [11].

По мнению В.Г. Афанасьева, социальная память выступает как «специфическая не только индивидуальная система информации, обеспечивающая накопление, хранение, передачу существенной и важной, программирующей поведение индивидов информации от поколения к поколению (вертикальный обмен информацией), а также обмен информацией между людьми одного поколения (горизонтальный обмен информацией)» [4].

Изучая структурные аспекты социальной памяти, актуально обратить внимание на статические и динамические формы проявления социальной памяти, которые находят свое отражение в практической деятельности субъектов. Основные компоненты социальной памяти определены её функциональным предназначением – фиксировать, накапливать, хранить и воспроизводить необходимую информацию в форме различных психических образований и материальных средств. Таким образом, в структуре социальной памяти военной

интеллигенции выделяется когнитивный слой, предназначенный для аккумуляции соответствующих знаний, ценностно-смысловой слой, консолидирующий в себе ценности и смыслы, характеризующие офицера как интеллигента, непосредственные образцы конкретных видов деятельности, субъектный слой, который в себе сосредотачивает всех субъектов – носителей и трансляторов социальной памяти.

Исследуя носителей или субъектный состав социальной памяти (осуществляющих сохранение и трансляцию необходимой информации) российской военной интеллигенции, приходится констатировать неоднозначность и любопытность указанного вопроса. Так, аналитические усилия приводят нас к двуединости указанного субъектного состава и внутренней иерархии каждой из этих сторон. Что касается собственно субъектного состава, то разделение указанных носителей происходит на две условные категории – внешнюю и внутреннюю. Стоит оговорить столь упрощенное строение субъектного состава социальной памяти.

Внешний контур носителей социальной памяти военной интеллигенции составляет само общество, а также иные социальные группы, из которых выходят будущие офицеры, но представители которых, как таковые статусом и социальной ролью офицера не обладают. Очевидно ведь, что представления о социальной роли, смысле деятельности и смысловом предназначении офицерства имеются у людей, которые к армии не имеют ни малейшего отношения и чьи мнения об этом сложились стихийно из различных источников (под воздействием кино, литературы, искусства, в результате коммуникационной передачи информации, на основе собственного опыта и воображения). Однако пусть эти люди и не относятся к армии, они взаимодействуют с ней, дружат и общаются с профессиональными военными, а также воспитывают людей, которые впоследствии выбирают профессию офицера. Взаимодействие с этой категорией людей формирует весьма устойчивые представления будущего офицера о необходимых ему качествах, поскольку, во-первых, указанное взаимодействие происходит часто в раннем возрасте, когда личность восприимчива к внешним источникам информации – из них психи-

ка плетет сложную психическую картину мира. Во-вторых, мнения людей, относимых нами к данному коллективному и индивидуальному субъекту, как бы являются отражением взглядов общества на бытие армии, а также её представителей.

Внутренний контур социальных субъектов, входящих в состав носителей социальной памяти, представлен собственно профессиональными военными, которые, проходя службу в специфических, созданных обществом вооруженных структурах, присваивают, усваивают и транслируют традиции, ценности и нормы военной интеллигенции. Здесь коллективные субъекты выделены формально и неформально. Формальный состав представлен по видам и родам войск Вооруженных Сил, а также иных войск, воинских формирований и органов (органы управления, объединения, соединения, воинские части и организации).

Описание средств передачи социальной памяти следует начать с небольшой оговорки об эмоциональной природе фиксации в личностной сфере и встраивании в память социальную тех или иных представлений об окружающей реальности, воображаемом мире и самом себе. Эмоционально-чувственная окраска информации, которая фиксируется, хранится и транслируется социальной памятью, имеет огромное функционально-действенное значение, поскольку от глубины эмоциональной реакции, будь то переживание или удивление, зависит как скорость передачи информации, так и длительность ее хранения. Безусловно, на это влияет и ряд иных факторов, но, рассматривая человека как субъекта-носителя социальной памяти, надо понимать, что эмоциональный компонент в данном аспекте имеет одно из ведущих значений.

Для формирования объективной научной картины социальной памяти военной интеллигенции необходимо изучить основные способы (механизмы) трансляции социальной памяти, к которым относят социальные эстафеты, традиции и социальные программы.

М.А. Розов отмечал: «рассматривая механизмы социальной памяти, приходим к представлению о социальных эстафетах как о некоторых исходных, базовых механизмах социальной памяти.

Воспроизводя образцы живой речи, мы учимся говорить; на базе образцов рассуждения усваиваем правила логики; находясь в среде других людей, перенимаем формы их поведения, элементарные трудовые навыки, типы реакций на различные события. Всё сказанное с некоторыми поправками можно отнести и к сфере творческой деятельности. Традиции в развитии культуры давно стали объектом исследования, однако при этом чаще всего ограничивались простой констатацией традиционности тех или иных социокультурных явлений, не вдаваясь в механизм действия традиций» [28, С. 235].

Важнейшая функция социальных эстафет как механизма социальной памяти состоит в том, что на их основе (базе) происходит развитие социальной памяти в сторону усложнения и глубины, когда от простых непосредственных образцов конкретной человеческой деятельности происходит переход к более сложным, вершиной которого является научное знание. Безусловно, одна из исследовательских задач по анализу социальной памяти – это как отследить движение от простого к сложному, так и познать взаимодействие всё более усложняющихся форм. Здесь возникает проблема описания систем с рефлексией, ибо знание в простейшем случае – это описание деятельности, т. е. рефлексия над деятельностью [28].

Как же тогда возникает новое в ходе функционирования социальных традиций? Очевидно, что огромная масса новых научных знаний получается в рамках вполне традиционной работы. Но как сочетать эту традиционность с принципиальными сдвигами, которые сами участники процесса нередко воспринимают как революции? Постараемся показать, что и здесь традиции играют немаловажную роль. Во-первых, традиционность не следует воспринимать как простое повторение, как некоторое клиширование. Действуя по образцам, мы постоянно сталкиваемся с новыми объектами и новыми условиями. В силу этого мы либо получаем ожидаемый результат, либо не получаем его. Кроме того, можно получить и совершенно неожиданный результат, который иногда именуют побочным. Во-вторых, огромную роль играет взаимодействие традиций и возможность их комбинирования, т.е. явление монтажа [30, С. 62].

Любая специально организованная социальная деятельность, как и любой вид практики, всегда действует в определенных укоренившихся и многократно повторяемых (воспроизводимых) традициях, а также в рамках набора определенных социальных программ. Элементарная форма бытия этих программ – воспроизведение непосредственных образцов поведения или деятельности. На ее базе возникают более сложно запрограммированные явления, отличающиеся многомерной структурой, полифункциональностью, протяженностью во времени и постоянным развитием при сохранении смыслового ядра программы [30, С. 59].

Рассмотрение психологических характеристик и основ внутриличностного и социально-группового функционирования интеллигенции логично начать с определения содержания субъектности, или персональной идентичности, характеризующей интеллигентность. Персональную идентичность интеллигентности составляет её ярко воспитуемый характер и ценности, в структуру её входящие. Интеллигентность как высшая форма воспитанности выступает в противовес элитарности – она не передается по наследству и в совокупности генов не кодируется, она продукт социальной деятельности во всем ее многообразии, плод опредмечивания и распредмечивания ценностей культуры, продукт производный от высокого уровня образованности, предполагающей развитые критическое логическое мышление и высокий интеллект, вместе образующие фундаментальность и подвижность мышления, готовность к когнитивному диалогу [21].

Рассматривая социальную память как систему накопления и трансляции ценностей интеллигенции, несколько тезисов следует обосновать по поводу особенностей её внешнего и внутреннего функционирования, как в личностном поле, так и в поле коллективной субъектной психической деятельности.

К внешним социально-психологическим функциям интеллигенции принято относить следующие: мировоззренческая; просветительская; экзистенциально-ориентационная; мотивационная; трансляционная; адаптационная; когнитивно-интеллектуальная; поведенческая; демонстрационная; аргументационная; воспитывающая и развиваю-

щая; функция солидарности (согласия) – синкретическая функция; интегративная; культурно-созидающая (творческая); функция устойчивости; коммуникативная; информационная. Внутренними социально-психологическими функциями интеллигентности в свою очередь являются: организующая; функция солидарности (согласия) – синкретическая функция; культурно-созидающая; организационно-психическая; эмоционально-регулятивная; чувственно-побудительная; ценностно-смысловая; критическая. Основными функциями интеллигентности всегда являлись ориентационные ценностнообразующие и ценностно-трансляционные функции, позволяющие ориентировать социальную деятельность субъектов (индивидуальных и коллективных), а также передавать ценностные ориентации о нравственном, эстетическом, экзистенциальном, справедливом, ответственном, честном и т.д. через поколение в поколение [21].

Безусловно, социальная память выполняет традиционные для памяти функции фиксации информации, ее закрепления и накопления, хранение, воспроизведение, трансляция и забывание (стирание). Память действует в отношении различных психических образований (знаний, ценностей, смыслов, навыков) [27].

Ценности, как результат оценочной деятельности личности, социальных групп и общества, приобретают в процессе оценивания положительную значимость (меру положительной значимости) для субъекта, осуществляющего оценку, несмотря на характер данного предмета. По отношению к социальной памяти, ценности, входящие в её структуру, выполняют функции, определяют её структуру. Отметим, что ценности в структуре социальных эстафет играют роль основного условия передачи определенного вида деятельности и выполняют функцию обеспечения жизнеспособности социальной памяти и эстафеты её передачи (трансляции) в хромотопическом, материальном и субъектом аспектах [23].

Заключение и обсуждение

Рассмотрев основные вопросы, связанные с сущностью, структурой, особенностями функционирования в психике социальной памяти,

механизмы её трансляции, а также её как способ аккумуляции ценностей военной интеллигенции следует прийти к следующим выводам: а) социальная память, выполняя традиционные функции фиксации, собирания, накопления, хранения, трансляции, воспроизводства положительно-значимой информации, является одним из источников и способом передачи ценностей и смыслов, характеризующих будущих офицеров как интеллигентов; б) природа фиксации в социальной памяти информации и встраивания в субъектно-личностное поле тех или иных представлений об окружающей реальности, воображаемом мире и самом себе имеет эмоциональный, ценностный и интеллектуальный характер. Эмоциональная и ценностно-смысловая окраска информации, которая фиксируется, хранится и транслируется социальной памятью, имеет большое функционально-действенное, субъектное значение, поскольку от глубины эмоциональной реакции, будь то переживание или удивление, зависит как скорость передачи информации, так и длительность ее хранения; в) основными механизмами трансляции социальной памяти являются социальные эстафеты, традиции и социальные программы.

Список литературы

1. Аникин, Д.А. Динамика социальной памяти: сетевые основания / Д.А. Аникин, А.С. Сивоконь // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 3 (33). С. 30–35.
2. Аникин, Д.А. Методология конструирования социальной памяти / Д.А. Аникин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11. № 3. С. 46–50.
3. Аникин, Д.А. Память как социальный феномен / Д.А. Аникин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2007. Т. 7. № 1. С. 3–9.
4. Афанасьев, В.Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1975, С. 45–46.
5. Баженова, Т.М. § 3. Биографический подход в изучении социальной памяти / Т.М. Баженова, С.В. Кодан // Юридические формы пере-

- живания истории: практики и пределы: коллективная монография / Верховный Суд Российской Федерации; Российский государственный университет правосудия, Северо-Западный филиал. Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2020. С. 159–165.
6. Баранова, Г.В. Роль интеллигенции в устойчивости российского общества / Г.В. Баранова, А.А. Баранов, И.Е. Новиков // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 1. С. 70–79.
  7. Валиуллина, З.Р. Традиция как основной механизм трансляции социальной памяти / З.Р. Валиуллина, Л.Р. Хасанова // Kant. 2018. № 4 (29). С. 126–132.
  8. Верещагина, А.В. К проблеме определения социальной памяти: понятие, основные характеристики, функции и роль в формировании патриотизма / А.В. Верещагина, В.Н. Нечипуренко, С.И. Самыгин // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 1-2. С. 97–107.
  9. Газизов, Р.Р. Социальная память в свете исследования информационного пространства и времени / Р.Р. Газизов, А.Т. Каюмов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 21. № 4. С. 93–99.
  10. Запесоцкий, А.С. Культурологическое наследие Д.С. Лихачева / А.С. Запесоцкий // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 5–14.
  11. Зинченко, Ю.П. Методологические проблемы фундаментальных и прикладных психологических исследований / Ю.П. Зинченко // Национальный психологический журнал. 2011. № 1 (5). С. 42–49.
  12. Каган, М.С. Воспроизводство Российской интеллигенции как педагогическая проблема / М.С. Каган // Формирование российского интеллигента в университете / Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2000. С. 120–152.
  13. Касавин, И.Т. Коллективный субъект как предмет эпистемологического анализа / И.Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 46. № 4. С. 5–18.

14. Кодан, С.В. § 1. Социальная память в структуре научно-познавательной деятельности: понятие, основные характеристики, подходы к классификации / С.В. Кодан // Юридические формы переживания истории: практики и пределы: коллективная монография / Верховный Суд Российской Федерации; Российский государственный университет правосудия, Северо-Западный филиал. Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2020. С. 12–26.
15. Леонтьев, А.Н. Значение и смысл / А.Н. Леонтьев // Мир психологии. 2001. № 2 (26). С. 13–20.
16. Леонтьев, Д.А. Субъективное качество времени как объект психологической диагностики / Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин // Сибирский психологический журнал. 2022. № 83. С. 223–229.
17. Леонтьев, Д.А. Смислообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт / Д.А. Леонтьев // Мир психологии. 2014. № 1 (77). С. 104–117.
18. Леонтьев, Д.А. Деятельность (попытка энциклопедического определения) / Д.А. Леонтьев // Мир психологии. 2014. № 3 (79). С. 101–104.
19. Лихачев, Д.С. О русской интеллигенции: письмо в редакцию / Д.С. Лихачев // Новый мир. 2004. № 2. С. 3–9.
20. Лихачев, Д.С. Концепции интеллигенции не должно быть вообще // Рубежи. 1997. № 12, С. 56–60.
21. Наумов, П.Ю. Психологические детерминанты функционирования интеллигентности будущего офицера / П.Ю. Наумов, Е.Е. Марухин // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 2-1. С. 95–100.
22. Наумов, П.Ю. Субъектность и интеллигентность: от понятия к изоморфизму / П.Ю. Наумов, А.А. Дьячков // Russian Journal of Education and Psychology. 2021. Т. 12. № 6. С. 188–200.
23. Наумов, П.Ю. Ценности в структуре социальных эстафет / П.Ю. Наумов, А.С. Карпов // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 3 (49). С. 174–178.
24. Наумова, Т.В. Можно ли ныне считать российскую интеллигенцию особым социокультурным феноменом? / Т.В. Наумова // Философия и культура. 2018. № 6. С. 78–89.

25. Наумова, Т.В. Сохранилась ли в памяти народа русская интеллигенция как социокультурный феномен? / Т.В. Наумова // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 2. С. 50–65.
26. Порозов, В.А. Меметовская 30-я Международная научно-теоретическая конференция «Интеллигенция и интеллигентоведение в начале XXI века: результаты и перспективы», Иваново, ИГУ, 26-27 сентября 2019 г. / В.А. Порозов // Интеллигенция и мир. 2020. № 1. С. 123–132.
27. Психология памяти: курс лекций: [учеб. пособие] / А.М. Боднар // Минобрнауки России, Уральский федеральный университет. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 100 с.
28. Розов, М.А. Что такое теория социальных эстафет / М.А. Розов // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 230–239.
29. Розов, М.А. Проблема объекта познания в контексте теории социальных эстафет / М.А. Розов // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. 29. № 3. С. 200–225.
30. Розов, М.А. Механизмы развития знания / М.А. Розов // Информационное общество. 2011. № 1. С. 59–77.
31. Розова, С.С. Проблемы психической реальности (ответ господам сомнение и невежество) / С.С. Розова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. 2012. Т. 6. № 1. С. 86–95.
32. Скоробогатов, А.В. Социальная память как средство конструирования идентичности личности: философско-правовой анализ / А.В. Скоробогатов // История государства и права. 2021. № 9. С. 3–10.
33. Соколов, А.В. Формула интеллигентности // Вопросы философии. 2005. № 5. С. 57–67.
34. Степанова, А.А. Роль социальной памяти в формировании современного образовательного пространства / А.А. Степанова // Философия образования. 2017. № 1 (70). С. 48–54.
35. Степин, В.С. Философия науки и техники: Учеб. пособие для вузов / В.С. Степин, В.Г. Горохов, М.А. Розов; Институт «Открытое общество». М.: Фирма «Гардарика», 1996. 399 с.
36. Степин, В.С. Философский анализ мировоззренческих универсалий культуры / В.С. Степин // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2011. № 1. С. 8–17.

37. Устьянцев, В.Б. Социальная память в жизненном пространстве социума / В.Б. Устьянцев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18. № 4. С. 414–418.
38. Фунтикова, Н.В. Обоснование целостности структуры интеллигентности как интегративного качества личности в контексте задач воспитания интеллигентности у студентов университета / Н.В. Фунтикова // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 1 (92). С. 234–236.

References

1. Anikin D.A., Sivokon' A.S. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 7: Filosofija. Sociologija i social'nye tehnologii*, 2016, no. 3 (33), pp. 30–35.
2. Anikin, D.A. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Filosofija. Psihologija. Pedagogika*, 2011, vol. 11, no. 3, pp. 46–50.
3. Anikin D.A. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Filosofija. Psihologija. Pedagogika*, 2007, vol. 7, no. 1, pp. 3–9.
4. Afanas'ev V.G. *Social'naja informacija i upravlenie obshhestvom* [Social information and social management]. M., 1975, pp. 45–46.
5. Bazhenova, T.M., Kodan S.V. *Juridicheskie formy perezhivanija istorii: praktiki i predely: kollektivnaja monografija* [Legal forms of experiencing history: practices and limits: collective monograph]. Supreme Court of the Russian Federation; Russian State University of Justice, North-Western Branch. St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies "Asterion", 2020, pp. 159–165.
6. Baranova G.V., Baranov A.A., Novikov I.E. *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2021, no. 1, pp. 70–79.
7. Valiullina Z.R., Hasanova L.R. *Kant*, 2018, no. 4 (29), pp. 126–132.
8. Vereshhagina A.V., Nechipurenko V.N., Samygin S.I. *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'*, 2017, vol. 9, no. 1-2, pp. 97–107.
9. Gazizov R.R., Kajumov A.T. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki*, 2021, vol. 21, no. 4, pp. 93–99.

10. Zapesockij A.S. *Voprosy filosofii*, 2017, no. 5, pp. 5–14.
11. Zinchenko Ju.P. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, 2011, no. 1 (5), pp. 42–49.
12. Kagan M.S. *Formirovanie rossijskogo intelligenta v universitete / Sankt-Peterburgskij gumanitarnyj universitet profsojuzov* [Formation of the Russian intellectual at the university]. St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. St. Petersburg: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2000, pp. 120–152.
13. Kasavin I.T. *Jepistemologija i filosofija nauki*, 2015, vol. 46, no. 4, pp. 5–18.
14. Kodan S.V. *Juridicheskie formy perezhivaniya istorii: praktiki i predely: kollektivnaja monografija* [Legal forms of experiencing history: practices and limits: collective monograph] / Supreme Court of the Russian Federation; Russian State University of Justice, North-Western Branch. St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies “Asterion”, 2020, pp. 12–26.
15. Leont'ev A.N. *Mir psihologii*, 2001, no. 2 (26), pp. 13–20.
16. Leont'ev D.A., Osin E.N. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal*, 2022, no. 83, pp. 223–229.
17. Leont'ev D.A. *Mir psihologii*, 2014, no. 1 (77), pp. 104–117.
18. Leont'ev D.A. *Mir psihologii*, 2014, no. 3 (79), pp. 101–104.
19. Lihachev D.S. *Novyj mir*, 2004, no. 2, pp. 3–9.
20. Lihachev, D.S. *Rubezhi*, 1997, no. 12, pp. 56–60.
21. Naumov P.Ju., Maruhin E.E. *Psihologija. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovanija*, 2021, vol. 10, no. 2-1, pp. 95–100.
22. Naumov P.Ju., D'jachkov A.A. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2021, vol. 12, no. 6, pp. 188–200.
23. Naumov P.Ju., Karpov A.S. *Social'no-jekonomicheskie javlenija i process*, 2013, no. 3 (49), pp. 174–178.
24. Naumova T.V. *Filosofija i kul'tura*, 2018, no. 6, pp. 78–89.
25. Naumova T.V. *Social'no-gumanitarnye znaniya*, 2016, no. 2, pp. 50–65.
26. Porozov V.A. *Intelligencija i mir*, 2020, no. 1, pp. 123–132.
27. Bodnar A.M. *Psihologija pamjati: kurs lekcij* [Psychology of memory: a course of lectures]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2014, 100 p.

28. Rozov M.A. *Jepistemologija i filosofija nauki*, 2017, vol. 51, no. 1, pp. 230–239.
29. Rozov M.A. *Jepistemologija i filosofija nauki*, 2011, vol. 29, no. 3, pp. 200–225.
30. Rozov M.A. *Informacionnoe obshhestvo*, 2011, no. 1, pp. 59–77.
31. Rozova S.S. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Psihologija*, 2012, vol. 6, no. 1, pp. 86–95.
32. Skorobogatov A.V. *Istorija gosudarstva i prava*, 2021, no. 9, pp. 3–10.
33. Sokolov A.V. *Voprosy filosofii*, 2005, no. 5, pp. 57–67.
34. Stepanova A.A. *Filosofija obrazovanija*, 2017, no. 1 (70), pp. 48–54.
35. Stepin V.S. *Filosofija nauki i tehniki: Ucheb. posobie dlja vuzov* [Philosophy of science and technology: Proc. allowance for universities] / V.S. Stepin, V.G. Gorohov, M.A. Rozov; Institute ‘Open Society’. M.: Firma “Gardarika”, 1996, 399 p.
36. Stepin, V.S. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 2011, no. 1, pp. 8–17.
37. Ust’jancev V.B. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Filosofija. Psihologija. Pedagogika*, 2018, vol. 18, no. 4, pp. 414–418.
38. Funtikova, N.V. *Mir nauki, kul’tury, obrazovanija*, 2022, no. 1 (92), pp. 234–236.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Наумов Петр Юрьевич, кандидат педагогических наук, помощник начальника госпиталя по правовой работе – начальник отделения правового обеспечения
*ФГКУЗ «Главный военный клинический госпиталь войск национальной гвардии Российской Федерации»
Вишняковское шоссе, владение 101, микрорайон Никольско-Архангельский, город Балашиха, Московская область, 143914, Российская Федерация
petr.naumov.777@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Petr Y. Naumov, candidate of pedagogical sciences, assistant head of the hospital for legal work – head of the legal support department

Main military clinical hospital of the national guard troops of the Russian Federation

101, Vishnyakovskoye highway, property Nikolsko-Arkhangelsky microdistrict, Balashikha, Moscow region, 143914, Russian Federation

petr.naumov.777@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2875-2322>

SPIN-code: 2750-3053

Поступила 19.07.2022

После рецензирования 08.08.2022

Принята 27.08.2022

Received 19.07.2022

Revised 08.08.2022

Accepted 27.08.2022